Про Илью и голи кабацкие

А как во стольноем во городи во Киеви,
А ведь у князя да у Владимира,
А велся-продолжалсе княжецкий пер,
А с сильныма могучима бога́тырьма,
А Ильюшеньки на пер да не по́звали.
Открывал Ильюша свой почесной пер,
Позабрал местецько што не лучшее,
Што не лучшее место, самолучшее,
Среди города да среди Киева,
На удобной да ён на площади,
Да у князя-то да у Владимера,
У теремов-то он да златоверхиих.
Крикнул Ильюша голосом своим богатырскиим:
— Уж вы голи, голи кабацкие,
Городские голи вы, посацкие,
Собирайтесь-ко вы да приходите-тко,
Ко Ильюшеньки да на чесной пер!
Как у Ильюшеньки ведется свой почестный пер,
Среди города да среди Киева,
На удобной-то да на площади,
Как у князя-то да у Владимера,
Как у теремов да златоверхиих,
Тут же Ильюшенька как натягивал
Как тетивку он шолко́вую,
Как натягивал тетивку потугёшенько,
Направлял он стрелоцьки каленыи прямёшенько,
А спускал Ильюша стрелоцьки каленыи
В тугой лук рьянёшенько,
А спускал он князю-то Владимеру
По теремам ему-то златоверхиим.
Как у князя-то да у Владимира,
Как по городу да по Киеву,
А на теремах да златоверхих
Были маковки шелко́выи подвешены.
Спускал Ильюша стрелоцьки да каленыи,

А ён по маковкам спускал да по шолко́выим,
Да как золочеными маковки-то шолко́выи
Скатилисе оне да на сыру́ землю́,
Как ведь мелкии-то воробушки.
Дороги гости да Ильюшины
Собирали оны маковки шелко́вые,
Носили в лавоцьки оны торговыи,
Оттуль таскали напитоцьки спиртовыи.
А сидят пируют-то оны да прохлаждаютце,
А поют ёны песенки да разные,
Поют оны песни разные разважные,
Как не днем-то не ночью да ути́ха нет.
Как у князя-то да Владимера
Пер с бога́тырьма да прекращаетце,
А у Ильюши вперед да продолжаетце.
Тут Владимер-князь скручинилсе,
Тут Владимер-князь да спечалилсе:
— Разобьет Илья по городу по Киеву.
Все он терема разобьет златоверхии,
Вышиблет все маковки золочеными,
Золочеными маковки да шелко́вые!
Стал просить Владимир-князь
Сильныих могуциих бога́тырей:
— Как сходите-тко Ильюшеньку проводите-тко,
Штобы не спускал Илья стрелоцек каленыих,
Не щипал бы Илья маковок шелко́выих.
А как богатыри от князя отказалисе:
— Мы не смеем итти Ильюшу уговаривать,
Спустит Илья в нас стрелоцьки каленыи.
Стал Владимер-князь просить-то Добрынюшку,
Как Добрыня был-то посильнее всих.
Как пошел Добрыня Ильюшу уговаривать,
А идет Добрынюшка да думает:
— Если мне-то мне-ко-ва спереду зайти,
То спустит Илья в меня стрелоцьку каленую.
Вот зашел Добрынюшка сзади ведь,
А пал Добрыня Ильюше на плеци на могуции:
— Здравствуй же, мой да крестовый брат,
Владимер-князь меня да за тобой послал.

Стал Добрыня Ильюшу уговаривать,
А говорил-то вить Ильюшенька:
— Ай же ты, да мой крестовый брат,
Знал же ты да откуль зайти:
Если зашел-то бы спереду —
То спустил бы в тебя стрелоцьку каленую!
Уговорил-то Добрыня да Ильюшеньку,
Да повел Добрыня Илью к князю ко Владимиру,
Дороги гости Ильюшеньки недовольныи-то ведь осталисе,
Так былина и поконцилась.

(Записано Е. П. Родиной в 1938 году.)

Сказитель Ф. А. Конашков. Подготовка текстов, вводная статья и комментарии А. М. Линевского. Под редакцией А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948.